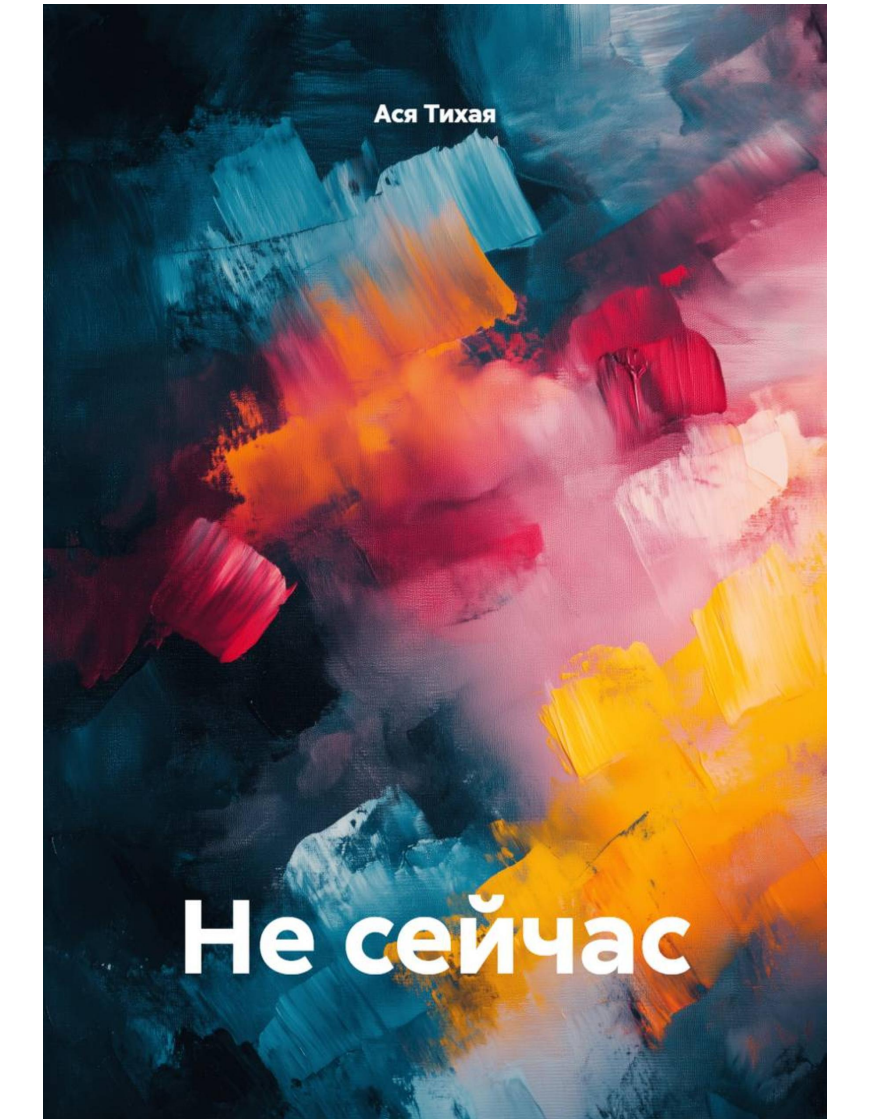

Ася Тихая

Не сейчас

Ася Тихая

Не сейчас

<https://litres.ru/74681269>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Два мира тишины: история о том, как не сломаться под тяжестью чужих слов»

На Адама обрушиваются подозрения и сплетни: счета блокируют, коллеги отводят глаза, каждый чат грозит стать приговором. Алиса остаётся его опорой, но даже любви тяжело нести чужую несправедливость. Герои ищут правду в стопках бумаг и мелких деталях, учатся слышать друг друга сквозь шум чужих голосов. Свадьба уходит на паузу: сначала нужно вернуть себе право на спокойствие.

Спустя полгода Адам находит силы искренне извиниться перед тем, кого невольно ранил. Алиса выбирает не пышное платье для чужих взглядов, а простое — в котором ей по-настоящему хорошо. Это история не о победе над сплетниками, а о тихой силе двоих, которые решили: пусть «сейчас» наступит не сегодня, но точно не никогда. Любовь здесь — не просто быть вместе, а не дать друг другу утонуть. Свобода начинается с того, чтобы перестать жить в ответ на чужие шёпоты и начать — в согласии с собственным сердцем.

Содержание

Глава 1. «Дождь, который смывает пыль, но не тревоги»	4
Глава 2. «Слова, которые мы не договариваем»	7
Глава 3. «“Не сейчас” как обещание, а не отказ»	12
Глава 4. «Первый укол»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ася Тихая

Не сейчас

Глава 1. «Дождь, который смывает пыль, но не тревоги»

Дождь шёл уже третий день подряд. Он не был тем романтическим дождём, про который пишут в стихах: не звенящим, не праздничным, не таким, под которым хочется гулять и смеяться. Это был тяжёлый, серый дождь, который стекал по стёклам широкими полосами, будто пытался смыть с города всю накопившуюся усталость, но никак не мог её одолеть.

Алиса стояла у окна в их маленькой квартире, прижимаясь лбом к холодному стеклу. За окном город казался размытым акварельным пятном: фонари дрожали в лужах, прохожие прятались под капюшонами, а машины оставляли за собой мокрые следы, которые тут же растворялись в воде.

Она думала о странностях счастья. О том, что счастье бывает совсем не громким. Оно прячется в мелочах: в том, как Адам по утрам первым делом идёт ставить чайник, даже если сам не пьёт чай; в том, как он поправляет ей шарф, когда она забывает его завязать; в том, как они могут сидеть рядом на диване и молчать, и это молчание не давит, а греет.

И всё же где-то внутри пряталась маленькая, колючая тревога. Она не имела имени, не цеплялась за что-то конкретное — просто сидела где-то под рёбрами и время от времени давала о себе знать лёгким холодком. Алиса списывала это на погоду, на усталость, на то, что третий день подряд небо плачет, и ей невольно хочется плакать вместе с ним.

В комнате пахло кофе и чем-то домашним — старым пледом, книгами, деревом. Адам сидел на полу, разбирая коробку с фотографиями. Он делал это без спешки, доставая снимки по одному, улыбаясь каким-то своим мыслям, иногда поднимая глаза на Алису и просто кивая, будто говоря: «Всё в порядке».

— Знаешь, — тихо сказала Алиса, не оборачиваясь от окна, — иногда мне кажется, что если я слишком сильно поверю в то, как у нас всё хорошо, то что-то обязательно случится. Как будто мир не любит, когда люди слишком счастливы.

Адам отложил фотографию, посмотрел на неё внимательно, но без паники. Он не стал говорить банальное «ничего не случится» и не стал смеяться над её тревогой. Вместо этого он просто сказал:

— Тогда давай верить не в то, что ничего не случится, а в то, что если случится — мы справимся. Вместе.

Алиса наконец отвернулась от окна и улыбнулась. В этой улыбке было и облегчение, и благодарность, и что-то ещё — то самое тихое чувство, когда ты понимаешь, что рядом есть человек, который не будет обесценивать твои страхи, а про-

сто встанет рядом, пока ты их переждёшь.

Адам протянул ей фотографию. На ней они были на берегу озера прошлым летом: мокрые от брызг, смеющиеся, с растрёпанными волосами. Солнце било прямо в объектив, и от этого снимок казался почти слепящим — как будто счастье на нём было слишком ярким, чтобы его можно было удержать.

— Вот это, — сказал Адам, — это наша правда. Не идеальная, не глянцевая, но настоящая. И если мир решит подкинуть нам проблем, пусть сначала попробует стереть вот эту улыбку с твоего лица.

Алиса рассмеялась, и тревога на секунду отступила. Она села рядом с ним на пол, прислонилась плечом к его плечу. Так они и сидели, листая старые фотографии, вспоминая, как всё начиналось, и не замечая, как дождь за окном становится тише.

Но тишина эта была обманчивой. Где-то далеко, в другом конце города, уже крутились шестерёнки чужой злой задумки: на банковский счёт Адама падали странные переводы — чистые, ровные, будто специально рассчитанные так, чтобы выглядеть подозрительно. И в тот момент, когда Алиса смеялась, на другом конце города кто-то уже писал заявление, которое должно было разрушить их спокойное «сейчас».

А пока... пока у них было только это: пол, старые фотографии, запах кофе и дождь, который смывал пыль, но ещё не мог смыть грядущие тревоги.

Глава 2. «Слова, которые мы не договариваем»

Утро выдалось не таким уютным, как вчера. Дождь наконец стих, но город остался мокрым и каким-то злым: лужи отражали серое небо, асфальт блестел, будто его натёрли наждачкой, а ветер срывал с деревьев последние листья и швырял их под ноги прохожим.

Алиса проснулась раньше Адама. Он лежал на боку, подложив руку под голову, и дышал ровно, спокойно — так, как умеют только люди, которые ещё не успели столкнуться с днём. Она смотрела на него и думала, что вот это и есть самое хрупкое: момент, когда человек ещё не знает, что сегодня его мир начнёт трещать по швам.

Она тихо встала, чтобы не разбудить, прошла на кухню, включила чайник. Пока он шумел, набирая силу, Алиса открыла телефон. Лента привычно потянула взгляд вниз: сторис, репосты, чьи-то фотографии из отпуска, чьи-то завтраки. И вдруг — снова та самая знакомая, снова фраза: «Иногда доброта возвращается странным образом». А под ней — комментарий Лейлы: «К сожалению».

Алиса замерла. Пальцы чуть сжались, экран стал скользким от напряжения. В голове тут же зашумело: «Это про Адама. Точно про него. Она ведь говорила про долг...» Но

следом пришла другая мысль — та, которая всегда спасала их пару от паники: «Сначала разберись, потом тревожь».

Она закрыла телефон, положила его экраном вниз, будто так он не сможет больше ничего ей нашептать. Чайник щёлкнул, выключаясь, и этот звук показался ей неожиданно громким, как будто он специально хотел перекрыть тот голос в голове, который уже шептал: «Спроси его. Прямо сейчас. Пусть объяснит».

Адам вошёл на кухню через минуту, взъерошенный, с улыбкой, которая ещё не до конца проснулась.

— Ты опять встала раньше, — сказал он, подходя и обнимая её сзади, уткнувшись носом в плечо. — Я же говорил: давай в выходные просто лежать до обеда.

— Не могу, — улыбнулась Алиса, стараясь, чтобы улыбка не дрогнула. — У меня внутри будильник, который не умеет отключаться.

Он налил себе кофе, сел за стол, открыл почту на телефоне, быстро пробежал глазами по письмам, нахмурился на секунду, потом снова расслабился. Алиса наблюдала за этим микроскопическим движением бровей — как будто пыталась поймать, зацепиться за что-то, что скажет: «Да, там что-то важное». Но он просто отложил телефон и сказал:

— Сегодня надо заехать в банк. Там какая-то странная история с транзакциями. Наверное, ошибка. У них вечно что-то с синхронизацией.

«Ошибка», — повторила про себя Алиса. Слово прозвуч-

чало как обещание: «Ничего страшного. Просто ошибка». И она решила ему поверить.

— Хочешь, я с тобой съезжу? — спросила она осторожно.

Адам покачал головой:

— Не надо. Это скучные бумажки. Ты лучше выбери себе что-нибудь из платьев, я потом посмотрю. Хочу, чтобы ты улыбалась, когда будешь их мерить.

И вот тут Алиса поняла: он не прячет от неё проблему. Он просто не хочет, чтобы она тоже стояла в очереди в банке, смотрела на хмурые лица операционистов и чувствовала, как день становится тяжелее. Он защищает её от скучных, но колючих мелочей — так же, как вчера не стал обесценивать её тревогу, а просто встал рядом.

Она кивнула:

— Ладно. Но если вдруг окажется не просто ошибка — скажи сразу. Я не буду паниковать. Я просто буду рядом.

— Скажу, — пообещал он, и в этом «скажу» не было пафоса, только простая правда.

Пока Адам собирался, Алиса снова взяла телефон. Открыла переписку с Лейлой — они не общались уже несколько месяцев, только кивали друг другу в общих чатах. Набрала: «Привет. Всё в порядке?» — и тут же стёрла. Потом: «Ты что-то имеешь против Адама?» — и снова стёрла, потому что фраза получилась злой, а она не хотела быть злой.

В итоге она ничего не отправила. Потому что знала: если Лейла ответит, то будет не про «всё в порядке», а про долг.

А Адам сейчас и так смотрит на письма из банка, хмурится на секунду и снова прячет это за улыбкой. Ей не хотелось добавлять ему ещё одну проблему, которую придётся объяснять.

Когда он ушёл, квартира сразу стала слишком большой и слишком тихой. Алиса села на край дивана, обхватила колени руками и закрыла глаза. В голове крутилось: «Мы не договариваем столько всего... Я не говорю про сторис, он не говорит про банк, мы оба думаем, что так бережём друг друга. Но вдруг это не защита, а трещина? Вдруг мы просто позволяем проблемам расти в тишине?»

Она встала, подошла к окну. На стекле ещё оставались тонкие дорожки от вчерашнего дождя, будто кто-то провёл по нему пальцами и не стёр. Алиса провела ладонью по холодному стеклу, как будто хотела стереть и эту невидимую линию между «всё хорошо» и «что-то не так».

Потом она достала блокнот, где они с Адамом записывали идеи для свадьбы. На первой странице было написано: «Главное — чтобы мы были рядом. Остальное можно переделать». Она провела пальцем по этим словам, будто проверяя, настоящие ли они.

И тихо, почти шёпотом, сказала, как будто обращаясь не к себе и не к Адаму, а к чему-то большему, что должно было их удержать:

— Господи, помоги нам не прятать друг от друга правду. Даже если она неудобная. Даже если от неё становится

страшно. Пусть мы будем бережными, но не молчаливыми.

Тишина в квартире не ответила. Но и не осудила.

Ближе к обеду пришло уведомление: «Пропущенный звонок. Банк». Алиса посмотрела на экран, потом на часы. Адам наверняка уже там. Наверняка стоит у стойки, слушает что-то про «проверку операций», кивает, делает вид, что всё под контролем.

Она не стала перезванивать. Не стала писать: «Что там?» Потому что знала: он сам расскажет, когда сможет. А пока она могла сделать только одно — быть здесь, когда он вернётся. Не с расспросами, не с паникой, а с чашкой чая, с тёплым пледом и с тем самым молчанием, которое греет, а не давит.

Глава 3. «“Не сейчас” как обещание, а не отказ»

День тянулся медленно, как будто кто-то нарочно замедлил время. Алиса ходила по квартире, трогала вещи, будто проверяла, настоящие ли они: кружку, которую Адам купил на ярмарке и которая всё ещё немного кривилась в руке; старую фотографию в рамке, где они оба смеются так, что глаза почти закрыты; плед, который они купили «на зиму», хотя зима всё никак не наступала.

К вечеру Адам вернулся. Он не сразу зашёл в комнату — сначала долго стоял в коридоре, снимал ботинки, вешал куртку, будто хотел оставить за порогом всё, что там навалилось. Когда он наконец вошёл, Алиса сразу поняла: «ошибка» оказалась не такой простой.

На его лице не было паники, но была усталость — тяжёлая, въевшаяся в черты, такая, которая не смывается душем. Он сел на диван, провёл ладонями по лицу, будто стирая день, и выдохнул.

— Ну что, — сказала Алиса, не подходя слишком близко, чтобы не спугнуть эту хрупкую готовность говорить, — расскажи. Только если можешь.

Адам посмотрел на неё, и в его взгляде было столько благодарности за это «если можешь», что у Алисы на секунду

защипало в глазах.

— Это не ошибка, — сказал он. — На мой счёт пришли переводы. Много. От незнакомых отправителей. А потом пришло письмо: проверка по подозрению в участии в схеме. Выглядит так, будто я в этом замешан. А я ни при чём.

Слова легли на стол между ними, тяжёлые и холодные, как камни. Алиса не стала говорить «это ерунда», не стала смеяться над этим, потому что видела: для него это не ерунда.

— И что теперь? — спросила она просто.

— Теперь надо разбираться. Адвокат, выписки, доказательства, что я этих людей не знаю. Это займёт время. И... — он запнулся, будто боялся сказать то, что должно было прозвучать. — Прости, но про свадьбу сейчас думать не могу. Не сейчас.

Алиса села рядом, не вплотную, но так, чтобы он чувствовал, что она здесь.

— «Не сейчас», — повторила она. — Но не «никогда».

Он посмотрел на неё и впервые за день улыбнулся — не широко, не радостно, а как человек, который только что понял, что не один.

— Да, — сказал он. — Не «никогда». Просто... не сейчас.

Они посидели так несколько минут в тишине. Потом Алиса встала, налила ему чай, поставила чашку рядом. На обложке блокнота с идеями для свадьбы она написала карандашом: «Когда станет можно — вернёмся к этому. А пока будем держаться».

Позже, когда Адам уснул, уткнувшись в подушку, а город за окном окончательно погрузился в темноту, Алиса снова подошла к окну. Дождь кончился, но небо оставалось низким и тяжёлым, как будто оно само не знало, плакать ему дальше или уже пора остановиться.

Она вспомнила свой утренний шёпот у окна и добавила к нему ещё одну просьбу:

— Помоги нам не стать чужими, пока мы будем это разгребать. Пусть мы останемся теми, кто сидит на полу и смотрит старые фотографии. Даже если теперь эти фотографии будут лежать рядом с выписками из банка и визитками адвокатов.

Телефон тихо пискнул. Алиса посмотрела: снова сторис. На этот раз — фото чашки кофе и подпись: «Когда думаешь, что помогаешь, а в ответ тишина». Под фото — один комментарий: «Знаю».

Алиса закрыла телефон. Не потому что ей было страшно. А потому что знала: завтра она поговорит с Лейлой. Не с претензией, не с обидой, а просто спросит: «Что я могу сделать, чтобы это не становилось хуже?» Но сегодня она нужна была здесь — рядом с Адамом, в этой тишине, где слово «не сейчас» звучало не как отказ, а как обещание: мы не сдаёмся.

Глава 4. «Первый укол»

Алиса листала ленту, почти не вчитываясь: сторис про кофе, чьи-то коты, смешное видео, которое уже видели все, кроме неё. Она делала это не потому, что ей было интересно, а чтобы не думать о том, как тихо стало в квартире с тех пор, как Адам ушёл на встречу с адвокатом. Тишина теперь казалась не уютной, а подозрительной — будто она специально выжидала момент, чтобы обрушиться на Алису тяжёлым, неудобным вопросом: «А что, если всё правда плохо?»

И тут лента замерла. На экране — сторис общей знакомой, фото чашки на подоконнике, за которым серое небо, и подпись: «Иногда доброта возвращается странным образом». А под ней — комментарий Лейлы: «К сожалению».

У Алисы внутри что-то сжалось, как будто кто-то резко потянул за невидимую нитку где-то под рёбрами. Она задержала палец над экраном, будто могла этим остановить то, что уже начало раскручиваться. Потом быстро закрыла сторис, но картинка осталась — навязчивая, липкая, как пятно, которое не стереть.

Адам вернулся минут через десять. Он вошёл быстро, как человек, который боится, что если замедлится, то вообще не сможет двигаться. Куртка ещё не успела согреться, волосы были влажными от уличного холода, а в глазах — усталость, смешанная с раздражением, которое он тут же пытался спря-

тать за привычной улыбкой.

— Всё нормально, — сказал он, хотя Алиса ещё ничего не спросила. — Ну, насколько это вообще может быть нормально.

Она кивнула, стараясь не выдать, что её руки чуть дрожат, когда она наливает ему чай. И не выдержала:

— Ты видел сторис у Марины? И комментарий Лейлы?

Адам замер на секунду. Потом достал телефон, пролистал, нашёл, прочитал. Его лицо стало жёстче, скулы обозначились резче, а пальцы чуть сильнее сжали экран.

— Да, — коротко бросил он. — Это про меня. Но не сейчас, ладно? Я сам разберусь.

В этот момент телефон в его руке тихо пискнул. Пропущенный вызов. Адам посмотрел на экран, и его плечи будто опустились ещё на сантиметр.

— Адвокат, — тихо сказал он, будто извиняясь. — Прости, я должен перезвонить. У меня проверка по счёту, они требуют дополнительные выписки, и я уже опаздываю на встречу.

Он набрал номер, отошёл к окну, заговорил быстро, короткими фразами, в которых Алиса не разбирала слов, но слышала интонацию: напряжённую, собранную, как у человека, который пытается удержать в руках рассыпающуюся конструкцию.

Алиса села на край дивана, обхватив колени. Ей хотелось подойти, положить руку ему на плечо, сказать: «Я помогу».

Давай я всё узнаю, давай я позвоню, давай я просто посижу рядом». Но она видела: сейчас любое «давай» будет звучать как лишний груз.

Когда Адам закончил разговор, он снова посмотрел на неё, и в его взгляде была просьба, тихая и усталая: «Не спрашивай сейчас. Мне нечего тебе дать, кроме правды, а правда сейчас такая тяжёлая, что я сам не могу её удержать».

— Прости, — повторил он. — Сегодня я не смогу про это нормально поговорить. Мне нужно ехать, мне нужно собрать документы, мне нужно... просто не утонуть сегодня.

Алиса кивнула. Не потому что ей всё было понятно, а потому что она понимала главное: он не прячет от неё правду. Он просто не может её сейчас удержать и одновременно держать её саму.

— Я не спрашиваю, — тихо сказала она. — Если ты не можешь — не надо. Я просто здесь.

Адам на секунду закрыл глаза, будто её слова были тем самым воздухом, которого ему не хватало. Потом кивнул, быстро надел куртку, проверил карманы.

— Я вернусь, — пообещал он. — И тогда мы про всё поговорим. Честно.

Дверь за ним закрылась, и тишина вернулась. Но теперь она была другой — не выжидающей, а будто прислушивающейся. Алиса подошла к окну, посмотрела на мокрый город, на людей, которые шли по своим делам, не зная, что у кого-то прямо сейчас рушится привычный мир.

Она вспомнила, как вчера шептала у окна: «Пусть мы будем бережными, но не молчаливыми». И поняла, что сегодня бережность — это как раз не тянуть из него слова, когда у него нет сил. Бережность — это сидеть в этой тишине и не делать её врагом.

«Он не скрывает, — повторяла она про себя, как мантру. — Он просто тонет. И я не буду бросать в него камни вопросами. Я буду ждать, пока он сможет вынырнуть».

На столе лежал блокнот с идеями для свадьбы. Алиса провела пальцем по строчке: «Главное — чтобы мы были рядом. Остальное можно переделать». И добавила карандашом, совсем мелко, внизу страницы: «Даже если “не сейчас” продлится дольше, чем мы думали».

Глава 5. «Сплетня выходит в свет»

Телефон зазвонил в тот самый момент, когда Алиса пыталась убедить себя, что всё под контролем. На экране высветилось: «Тётя Валя». Алиса на секунду задержала дыхание, как будто могла этим отсрочить то, что сейчас прозвучит.

— Алисочка, ты только не обижайся, — голос тёти был нарочно мягким, будто она обходила острые углы на цыпочках. — Тут в общем чате такое пишут про Адама... Говорят, он людям деньги не возвращает. Ты уверена, что всё чисто?

Алиса села на край стула, сжала пальцами край столешницы, чтобы почувствовать, что она здесь, в своей кухне, а не в этом чужом, колющем разговоре.

— Тётя, я верю ему, — сказала она спокойно, хотя внутри всё дрожало. — Если узнаешь что-то конкретное — скажи, мы разберёмся. Но я не хочу верить слухам.

— Ну, ты же понимаешь, люди болтают... — вздохнула тётя. — Просто береги себя, ладно? Я не хочу, чтобы тебе было больно.

— Я берегу, — тихо ответила Алиса. — И себя, и его.

Она нажала «отбой», положила телефон экраном вниз и посидела так, глядя на тёмный экран, как на зеркало, в котором отражается не лицо, а страх: «А вдруг они правы? Вдруг я просто не вижу?»

Но следом пришла другая мысль — та, что держала её на ногах: «Он не стал бы прятать от меня самое страшное. Он просто не может сейчас всё разгрести».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.